

Н.Е. Зинченко

**Женское образование в
России**

исторический очерк

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 37
ББК 74
Н11

Н11 **Н.Е. Зинченко**
Женское образование в России: исторический очерк / Н.Е. Зинченко – М.:
Книга по Требованию, 2019. – 52 с.

ISBN 978-5-458-13079-0

Положение женщины у каждого народа есть показатель уровня его культуры в то или другое время его исторической жизни. Единственной прочной основой нации и государства является школа, дающая законченное образование мужчин и женщин. В сравнении с шумной агитацией женских прав в Англии и в Америке, в России почти не существовало женского вопроса.

ISBN 978-5-458-13079-0

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Народное просвѣщеніе составляеть главную опору государства и источникъ его благосостоянія, а потому выгодаами просвѣщенія должны пользоваться всѣ лица безъ различія пола и званія“.

Проектъ устава учебныхъ заведеній 1856 г.

„Женщина—это форма, въ которой плавится человѣчество“.

Amedée Vignola.

„Въ странѣ, гдѣ женщины унижены, цивилизација дряхлѣтъ; тѣ же государства, гдѣ женщина образована, могутъ надѣяться на блестящую будущность“. Жон в о.

„Миръ женщины“ есть вѣрнѣшій абрѣзъ какъ физической, такъ и нравственной жизни народовъ; чтобы судить объ обществѣ достаточно знать, какимъ уваженіемъ пользуется женщина“.

Amedée Vignola.

„Ей-ли, русской женщинѣ, столь явно проявившей доблѣсть свою, продолжать отказывать въ полномъ равенствѣ, правѣ съ мужчиной по образованію и по должностямъ, тогда какъ на нее-то мы и возлагаемъ всѣ надежды наши въ духовномъ обновленіи и въ нравственномъ возвышеніи нашего общества! Она доказала, какой высоты она можетъ достигнуть и что можетъ совершить“.

Ф. Достоевскій.

„Наука и искусство могутъ быть открыты для женщины въ такой-же сплѣ, какъ и для мужчины“. М. Катковъ.

„Не смѣшино-ли почитать женщинъ (которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротой понятія и тонкостью чувства и разума) существами низшими въ сравненіи съ нами“.

А. Пушкинъ.

Положеніе женщины у каждого народа есть показатель уровня его культуры въ то или другое время его исторической жизни. Единственной прочной основой націи и государства является школа, дающая законченное образованіе мужчинъ и женщинъ. Въ сравненіи съ шумной агитацией женскихъ правъ въ Англіи и въ Америкѣ, въ Россії почти не существовало женского вопроса, такъ какъ центръ тяжести этого вопроса для русской женщины лежитъ не въ ея гражданскихъ или политическихъ правахъ, а прежде всего—въ правѣ женщины на образование. Невѣжество женщины опаснѣе невѣжества мужчины, потому что всѣ наиболѣе важные стороны нашей внутренней жизни тѣсно связаны съ вліяніемъ женщины въ семье. Такимъ образомъ, вопросъ о женскомъ образованіи въ Россії есть совершенно самостоятельный вопросъ, не зависящій отъ успѣха вопроса объ эманципаціи женщины. Женское образованіе есть, безспорно, главная основа, на которой построены интересы

семи и государства; женщина имѣть неотъемлемое и преобладающее значение въ семье, какъ ближайшая воспитательница и руководительница дѣтей и подруга мужа. Разрѣшеніе вопроса о женскомъ образованіи есть и разрѣшеніе женского вопроса вообще.

Просвѣщеніе въ Россіи шло всегда сверху и того распространялось въ народѣ. Въ вопросѣ же о женскомъ образованіи наше правительство всегда проявляло просвѣщенные заботы. Движеніе 60-хъ годовъ въ Россіи въ пользу женской эманципації вообще было неудачно и проявилось, для торжества его враговъ, въ уродливыхъ формахъ, но благотворнымъ его результатомъ явилось усиленное стремленіе русскихъ женщинъ къ образованію. Кромѣ того, это движение дало русскому обществу много полезныхъ дѣятельницъ на поприщѣ науки и общественной жизни и, вообще, возвысило уровень образования и духовнаго развитія нашихъ женщинъ, а благодаря этому, возвысились умственное и нравственное развитіе общества. Въ этомъ смыслѣ женское движение, или такъ называемый „женскій вопросъ“ принялъ въ Россіи большиѳ размѣры и сдѣлалъ блестательные успѣхи.

Изученіе исторіи русской женщины указываетъ, что она болѣе консервативна, чѣмъ мужчина, въ области чувствъ, нравственныхъ воззрѣній и преданій семьи,—но не уступала ему, по мѣрѣ возможностей, въ умственномъ просвѣщеніи и въ стремленіи къ прогрессу. Русская женщина, вообще, всегда была прогрессивна, даже прогрессивнѣе женщинъ другихъ государствъ.

Оставляя всѣ другіе доводы въ пользу необходимости женского образованія въ Россіи, указываемъ на весьма любопытныя данныя о зависимости женской преступности отъ степени образованія. За періодъ 1876—1885 гг. на 100,000 осужденныхъ женщинъ оказалось въ $\%$:

въ общихъ судахъ—неграмотныхъ	92,60
" " " грамотныхъ	7,11
" " " образованныхъ	0,29
въ мировыхъ судахъ неграмотныхъ	95,11
" " " грамотныхъ	4,83
" " " образованныхъ	0,06

По вопросу о самостоятельности женщины, до Византійского на насъ давленія, въ Славянскихъ обычаяхъ и правѣ,—женщина была лицомъ юридически самостоятельнымъ. Она могла сама дѣйствовать въ судѣ, съ нѣкоторымъ снисхожденiemъ, а именно—иногда поручить дѣло повѣренному, а въ случаѣ судебнаго поединка,—поставить за себя наемника. Но если и истецъ, и отвѣтчикъ были обѣ женщины, то онѣ лично подвергались судебному поединку: „Жонку съ жонкою присужати поле, а наимиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону“, какъ установлено во Псковской Судной Грамотѣ. Мстить за свои обиды женщины допускались даже на Новгородское Вѣче. Польское Право и Чешское Законодательство давало женщинамъ юридическія права и льготы.

До Византійского вліянія на Руси не было женскаго затворничества, и женщины играли видную роль: онѣ владѣли волостями, набирали дружину, давали совѣты князьямъ о дѣлахъ; кромѣ того, женщины отличались хитростью, что тогда считалось мудростью, онѣ обладали и чародѣйствомъ и это придавало имъ нравственную силу. Даже и въ XV вѣкѣ во время господства Домостройныхъ правилъ,—русскія княжны и материя вдовы въ боярскомъ и посадскомъ быту, хотя жили въ удаленіи отъ свѣта, но продолжали вліять на дѣла и пользоваться прежнею властью.

Взглядъ на женщину, какъ на отверженницу, змѣю и ехидницу, долго державшійся на Руси, ко вреду для благосостоянія нашего отечества, появился изъ Византійскаго міросозерцанія, ничего не имѣвшаго общаго съ Славянскими и чисто русскими воззрѣніями на жизнь и женщину.

Въ одномъ изъ распространенныхъ въ древней Руси сборниковъ, подъ названіемъ „Пчела“, внесено, между прочимъ, составленное въ концѣ XII вѣка, въ подражаніе подложному Слову Златоуста на Иродіаду, — „Слово о женахъ злыхъ и самовластныхъ, и язычныхъ, и богообойныхъ“, въ которомъ есть такой отзывъ о женщинахъ: „Умъ женскій нетвердъ, яко храмъ непокровенъ; оплотъ не окопанъ до вѣтра стоитъ, тако и мудрость женъ до прелестнаго глаголанія и до сладкаго увѣщанія тверда. Аще будетъ злообразна,—мука ему (мужу) есть, еще-ли прекрасна, то вси на ню арѣти будутъ, мужу же безутѣшная печаль...“ Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній и по совершенному отсутствію образования и нравственнаго развитія,—правы огрубѣли въ выс-

шней степени, и только духовная власть, но по отношению лишь къ монастырскимъ крестьянамъ, пыталась предотвратить семейные бѣды. Такъ, монастырь бралъ иногда съ мужа поручную запись, что онъ, отлучившись на время съ женой жать рожь,— „ее не убеть и не замучить, и не постригеть безъ властелина (архимандрита) въдома, а если не сдержить этого обѣщанія, то поручители платятъ монастырю пеню, что послѣдній укажетъ“, или—слуга монастырскій въ поручной записи ручался, что „съ матерью браниться и биться не будетъ и жену смирять по винѣ и по-людски, а не безъчѣемъ“.

Въ такія распространенные сочиненія, какъ „Притча о женской злобѣ“ или „Слово о злыхъ женахъ“—невѣжественные люди, а особенно изувѣры, многочисленные послѣдователи секты „дѣвственниковъ“,—вѣрили въ доктрину, постоянно перечитывали ихъ въ своихъ моленныxъ, и затѣмъ учили, что „баба сотворена отъ дьявола“, что „сатана—антисристъ соблазняетъ и уловляетъ мужчинъ женщинами“. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ антифизиологической бракоборной пропаганды „дѣвственной вѣры“ было сильное распространеніе самого грязного разврата и самое унизительное положеніе женщины въ „дѣвственныхъ согласіяхъ“. Несчастныя дѣвственницы возмущались и озлоблялись, какъ безбрачно „полюбовною связью“ съ мужчинами, такъ, съ другой стороны, и обстановкой брачного супружества. Такъ было въ первое время давленія на насъ Византійского воззрѣнія на женщину, такъ по косности, было и значительно позднѣе.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни грубы были воззрѣнія на женщину въ старой Руси, но всегда за женщину признавалось право заботы о дѣтяхъ. И дѣйствительно, это право отъ женщины неотъемлемо, а потому она и должна быть образована. Но, и помимо этого, женщина необходимо образованіе для жизни: женщина должна понимать всѣ вопросы, возникающіе въ обществѣ.

Темное невѣжество — естественный врагъ образования вообще, а слѣдовательно—и женского. Но болѣе опасный врагъ—предразсудки или намѣренное противодѣйствіе успѣхамъ женского образования со стороны охранителей и охранительницъ нравственности, изъ такъ называемой культурно-барской среды. Такъ, прежде всего, не только свѣтскія женщины, воспитанныя исключительно съ цѣлью

плѣнять мужчинъ, но къ сожалѣнію, и множество мужчинъ — европейцевъ утверждаютъ, что высшее образованіе, не исключительно институтское — свѣтское (нападеніе идетъ и на женскія гимназіи и высшія женскія курсы), отнимаетъ отъ женщинъ грацію и женственность, а русскіе мужчины часто горюютъ о томъ, что наука разрушаетъ семейный очагъ, подрываетъ брачные узы, отнимаетъ у общества женъ и матерей, утверждая, будто „ученые женщины“ избѣгаютъ брачной жизни и супружескихъ обязанностей. Къ этому еще присоединяется и колоссальный по глупости доводъ, выросшій исключительно на русской почвѣ,—будто учащаяся женщина отвергаетъ принципы нравственности и, ознакомившись съ высшими науками, позволяетъ себѣ всякия вольности и вступаетъ въ непозволительную связь съ мужчиной... Въ частности, все можетъ быть: и небрежно одѣтые и неграціозные слушательницы курсовъ, и опасающіяся брака дѣвицы, и падкія дѣвшушки,—но приписывать эти и подобные явленія тлетворному вліянію науки, а не общимъ расшатаннымъ соціальнымъ условіямъ жизни, — можетъ только озлобленная глупость, съ которой и считаться не стоить...

И вотъ родители и благонамѣренные родственники, частью по глупости и недостатку образованія, частью подъ давлѣніемъ невѣжественныхъ или нечестныхъ органовъ печати, — всѣми мѣрами отклоняли дочерей отъ стремленія получить какое-нибудь профессіональное образованіе, или образованіе высшее. Когда въ С.-Петербургѣ, съ Высочайшаго соизволенія, открылись Высшіе Женскіе курсы, — то начальство женскіхъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія всѣми способами отклоняло оканчивающихъ курсъ воспитанницъ, и даже преподавательницъ отъ посѣщенія этихъ курсовъ.

Въ самомъ концѣ XVIII вѣка (1799 г.) вышло известное сочиненіе: „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ“, въ которомъ современный моралистъ, высказавъ сперва осужденіе господствовавшей тогда системѣ воспитанія юношей, даетъ слѣдующую характеристику воспитанію дѣвицъ: „Вмѣсто ученья на языкѣ российскомъ основанію Закона Божія, вмѣсто правильнѣ нравственности, должностей жены, матери, гражданки, хо-

зяїки дому, — учатъ дѣвицъ тотчасъ говоритьъ, читать и писать по французски. Едва преуспѣть дѣвушка только въ ономъ языкѣ, что можетъ понимать уже читаное, какъ даютъ ей трагедіи и комедіи Расиновы и Мольеровы, для изошренія ея въ декламаціи. Уже является прельщенныемъ глазамъ родителей восьми или десятилѣтняя актриса; уже наученная выраженію сильныхъ страстей, а паче страсти Федриной, напрягаетъ нѣжный голосъ, вращаетъ глаза, и порывистыми движеніями стана и рукъ ужасаетъ и удивляетъ зрителей; или, вооружась лукавою невинностю, обманываетъ искусно въ „Школѣ мужей“; либо въ роли Финнетты истощаетъ всѣ хитрости, нахальство, уловки плутоватой служанки, и научая будто-бы мнимую барышню нецѣломудрію, даетъ самой себѣ уроки и тѣмъ извлекаетъ отъ родни одобрительный хохотъ. Потомъ начинаются танцеваніе, музыка и пѣніе... Тщаніе не жалѣющихъ ничего на воспитаніе родителей обращается, наконецъ, къ пѣнію: итальянская мелодія, разнѣживающая сердце и приводя въ чувствованіе душу, повергаетъ въ нѣкоторое усыпительное забвеніе и самый разумъ, составляетъ послѣдній курсъ ученія дѣвицы благородной“.

Вообще, въ теченіе всего XVIII столѣтія воспитаніе „дѣвицы благородной“ было исключительно виѣшнее, направленное къ тому только, чтобы вооружить ее всѣми средствами блестать въ салонѣ, плѣнять и нравиться. Самая цѣль воспитанія, по понятіямъ времени,—лежала не въ достижениіи усовершенствованія духовной природы дѣвицы и не въ развитіи ея ума и сердца. И родителей и дѣвицу, прежде всего, озабочивала суетная мысль — составить возможно болѣе блестящую партию, то есть, какъ можно выгоднѣе и счастливѣе выйти замужъ.

Въ сущности, даже и физического настоящаго воспитанія не было: его замѣняла выправка, направленная къ тому, чтобы дѣвица умѣла выказать свои прелести, и, во всякомъ данномъ положеніи искусно поставить свою наружность элегантно-кокетливыми нюансами, задѣвающими инстинкты чувственности въ мужчинѣ. Къ услугамъ дѣвушки въ этомъ случаѣ являлась мода, костюмъ, и, вообще, вывезенное изъ Парижа искусство одѣваться, которое тогда, какъ и нынѣ, очень мало стѣснялось требованиями нравственности, и было, въ сущности искусствомъ не одѣваться, а раздѣваться, или деколтироваться до послѣдней

крайности, терпимой слишкомъ растяжимыми и снисходительными, на этотъ счетъ, свѣтскими приличіями. Въ дѣлѣ физической выправки—воспитаніе стремилось, прежде всего, сдѣлать изъ дѣвочки бѣлоручку, изнѣженное, полу воздушное созданіе. Самую важную и господствующую часть физической выправки въ воспитаніи дѣвицъ составляли танцы. Предполагалось, не безъ основанія, что они тоже служить, главнымъ образомъ, къ достижению „тѣлеснаго благополучія“.

Кромѣ такого наивнаго отношенія къ серьезному вопросу о воспитаніи и образованіи женщинъ, есть и среди ученыхъ, не менѣе наивныя (не говоримъ,—недобросовѣстныя) лица, которыхъ считаютъ науку „недоступной“ для женщины. Но какая это наука?

Есть „мужи весьма мудрые“, которые, читая и изучая величайшія произведенія древности, видятъ въ нихъ только фразы, правильно или неправильно съ грамматической точки зрѣнія построенные. Они много лѣтъ трудятся надъ трагедіями Софокла, выписываютъ всѣ встрѣтившіеся имъ предлоги и усердно подсчитываютъ, сколько разъ авторъ употребилъ тотъ или другой предлогъ и съ какимъ падежемъ; глубокое содержаніе трагедій, характеръ Антигоны, Эдипа—ихъ не касается. Что имъ Гекуба! Если бы бѣдный Софокль зналъ, что сочиненія его будутъ представляться наборомъ словъ, что его будутъ исправлять и укорять за малѣйшее отступленіе отъ школьнной грамматики, о которой онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представлениія, онъ, вѣроятно, при жизни уничтожилъ бы свои бессмертныя произведенія, только бы они не выставлялись на посмѣшище мнимо ученымъ ХХ вѣка.

Есть историки, стряхивающіе вѣковую пыль отъ архивныхъ хартій, съ величайшимъ трудомъ разбирающіе старинный почеркъ, чтобы сказать, наконецъ, послѣднее слово науки, а именно,— какъ были устроены различныя орудія пытки. Есть другіе, признающіе въ исторіи только хронологію, тратящіе бездну эрудиціи и остроумія для доказательства, что какое нибудь маловажное событие произошло 29, а не 30 мая. Есть естествоиспытатели, всю жизнь посвящающіе изученію лягушечьяго языка. Подобныя упражненія, называющіяся научными, не имѣютъ съ наукой ни-

чего общаго, потому что не содержать въ себѣ главнаго элемента науки—идей. Этотъ лягушечій языкъ, количество предлоговъ у Софокла и хронологической изысканія, конечно, не нужны женщинѣ.

Но существуетъ и другая наука, благодѣтельная, открывавшая законы мірозданія, которая влагаетъ въ душу человѣка возвышенныя идеи и раскрываетъ истину, эта наука ведеть къ идеалу и къ нравственному усовершенствованію. Имѣемъ ли мы право лишать женщину свѣта науки? Тѣмъ болѣе, что женщина ищетъ образованія не изъ-за диплома (какъ это дѣлаютъ большинство мужчинъ), а лишь для удовлетворенія стремленію къ развитію и совершенствованію. Важно не то, чтобы женщина пріобрѣтала дипломы и право на государственные должности, важно, чтобы она имѣла умственное развитіе, одинаковое съ мужчиной. Умственное развитіе и истинное научное образованіе важно женщинѣ и какъ матери, и какъ женѣ, и какъ члену общества.

Обращаемся къ историческому очерку просвѣщенія русской женщины въ связи съ общимъ состояніемъ и развитіемъ образованія въ Россіи.

Въ первый вѣкъ по принятіи Христова ученія, если не всегда на дѣлѣ, то по мысли законодателей, женское образованіе не выдѣлялось изъ общаго для дѣтей обоего пола ученія, хотя бы въ сферѣ простой грамотности. Владиміръ Святой признавалъ и природный умъ, и просвѣщеніе женщинъ: на свою бабку Ольгу смотрѣлъ съ уваженіемъ, какъ на „мудрѣйшую всѣхъ людей“, а жену свою, бывшую греческую царевну, признавалъ стоявшую, по просвѣщенію, выше его и совѣтовался съ нею о церковномъ уставѣ и о другихъ дѣлахъ. По совѣту кievскаго митрополита Леонтия, Владиміръ въ 1001 году учредилъ въ Кіевѣ два училищныхъ монастыря, мужской и женскій, и Кіевское женское училище (1001 г.) было не только первымъ женскимъ училищемъ въ Россіи, но первымъ и въ Европѣ. Какъ въ этихъ училищахъ, такъ и вообще въ монастыряхъ, и у грамотныхъ людей на дому, все образованіе ограничивалось простой грамотностью: умѣньемъ читать писать... И, какъ высшая, для древнихъ временъ просвѣщенія, ступень—умѣнье толковать книги священнаго писанія. По естественному ходу вещей, для жен-

щинъ обученіе грамотѣ сосредоточилось, преимущественно, въ монастыряхъ. Уже съ XI вѣка стало проявляться въ русскомъ обществѣ стремленіе къ монастырской жизни, и толки обѣ иноческой жизни, какъ высшемъ идеалѣ человѣческаго существованія вообще, а въ особенности для женщинъ, побуждали ихъ поселяться въ монастыряхъ и тамъ усваивать познанія въ грамотности. Ни въ теремахъ, конечно, ни отъ хожальныхъ грамотѣвъ — мірская женщина не могла научиться грамотѣ. Теремное воспитаніе женщины (не княженъ) состояло въ томъ, что женщину старались держать подъ крѣпкимъ присмотромъ и откармливать на убой, чтобы онѣ пріобрѣли такъ прельщающую нашихъ предковъ дородность, которая и вообще особенно нравится нецивилизованнымъ людямъ. Хорошая ёда, продолжительный и частый сонъ, отсутствие движенія, прѣніе въ бандѣ — и женщина жирѣла на славу. Мало того, впослѣдствіи женщины даже водку пили, чтобы потолстѣть.

Въ первое училище для общаго научнаго образованія, а именно въ Киевскую Академію женщины не были допущены. Одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей Киевской учености Симеонъ Полоцкій, поучепія котораго, главнымъ образомъ, направлены на воспитаніе,— находилъ чтеніе полезнымъ не только для мужчинъ, но и для женщинъ.

Для князей и княженъ была иногда возможность, при желаніи, выучиться практически иностраннымъ языкамъ, не выѣзжая изъ Россіи. Такъ при дворѣ князей, начиная отъ Ярослава, живали иногда иностранные государи и князья, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ вынужденые удалиться изъ отечества и искать защиты у русскаго Великаго Князя. Кроме того, съ самыхъ первыхъ временъ нашей истории, дѣвушки княжескаго рода выдавались замужъ за иностранныхъ князей, которые сами прїѣзжали за ними въ Россію.

Ярославъ былъ женатъ на шведской принцессѣ, а три его дочери были выданы замужъ за иностранныхъ королей: одна — за короля норвежскаго Гарольда, другая за французскаго короля Генриха I, а третья — за венгерскаго короля Андрея I. Сыновья и внуки Ярослава также женились на иностранныхъ принцессахъ, которые оставались съ мужьями ними въ Россіи.

Юго-западныя братства XVI и XVII в.в., много послужив-

шія дѣлу образованія вообще устройствомъ школъ, впослѣдствіи расширили программу образованія, введя обученіе классическимъ языкамъ; по образцу ихъ устроилась (1615) въ Кіевѣ, а потомъ (1683) въ Москвѣ—Славяно-Греко-Латинская академія. Въ тогдашней Польшѣ уровень образованія стоялъ всегда выше чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Россіи. Съ XIII вѣка рѣдкая въ Польшѣ среди шляхты женщина не умѣла читать и писать. Съ XV вѣка образованность польки, подъ вліяніемъ западнаго гуманизма, начала сильно развиваться, такъ что женщины культурнаго класса нерѣдко превосходили въ этомъ отношеніи мужчинъ. Женщины отличались не только общимъ образованіемъ, но и специальными; проявляли серьезныя знанія по законовѣдѣнію и выступали въ качествѣ защитницъ въ судахъ по дѣламъ своихъ мужей. Умственное превосходство польскихъ женщинъ въ Западномъ краѣ, такъ-же какъ и на Западѣ Европы, было причиной того, что духовенство, и католическое и протестантское опиралось, въ своихъ интересахъ, на женщинъ, и черезъ ихъ посредство старалось оказывать вліяніе на общество.

Между тѣмъ, въ центральной Россіи, именно съ XIII вѣка, когда стала подниматься культура польской женщины,—просвѣщеніе хотя и до тѣхъ поръ проявлялось въ скромныхъ размѣрахъ,—стало падать, и, тѣмъ болѣе, пала и образованность русской женщины подъ давленіемъ монгольского ига и византійскихъ идей. Къ XV же вѣку обнаружилось то-же, что двумя вѣками раньше было на западѣ среди рыцарей, т. е. бояре и боярскія дѣти не были въ состояніи подписать своего имени на офиціальномъ документѣ.

Тѣмъ не менѣе женщины въ высшихъ сферахъ (царевны и дочери образованныхъ бояръ) получали по тому времени хорошее образованіе. Свидѣтельство Котошихина (XVII в.) о томъ, что „Московскаго Государства женскій полъ не учень и необычай тому есть, и разумомъ простоваты, и на разговоръ несмыслены истыдливы“, очевидно, относится лишь къ женамъ, и дочерямъ неграмотныхъ бояръ, державшихъ женщинъ отъ младенческихъ лѣтъ „въ тайныхъ покояхъ“.

Ксения Борисовна Годунова была, по лѣтописнымъ ска-